

Цзян Сяошуай в ярости развернулся и бросил:

— Чего ты, в конце концов, хочешь?

Го Чэньюй промолчал. Его взгляд, глубокий и влажный, словно омут, был прикован к Цзян Сяошуаю, а сам он медленно наваливался на него всем телом.

Испуганный Цзян Сяошуай поспешно уперся руками в живот Го Чэньюю, пытаясь отстраниться.

Го Чэньюй замер, опустил взгляд на врача и с игривой усмешкой продолжил приближаться, постепенно склоняя голову всё ниже.

Цзян Сяошуай, решив, что тот собирается его поцеловать, в панике отвел лицо в сторону, изо всех сил стараясь удержать Го Чэньюя на расстоянии.

Улыбка в глазах Го Чэньюя стала еще выразительнее. Заметив, что маленький врач вот-вот сдастся, он воспользовался моментом, выпрямился и поднял руку, снимая висевшее за спиной Цзян Сяошуая знамя.

Цзян Сяошуай наконец выдохнул и с досадой оттолкнул его от себя.

— Обалдеть, это напряжение, эта двусмысленность — просто высший пилотаж! — остолбенел Ли Ван. — Всё-таки мастерство Го-шао никуда не делось!

Остальные молчали, лишь перешептывались:

— Ну надо же, уровень сахара в крови зашкаливает!

— У меня даже лицо от смущения покраснело!

— Го-шао хорош! Такой подход, такие приемы — он точно ни одного не пропустит!

Отец Чи Чэна, наблюдая за этим, рассмеялся:

— Ну ты даешь, парень, тоже научился людей дразнить!

Слушая восторженные возгласы, Го Чэньюй принимал похвалу сдержанно. Глядя на экран, где Цзян Сяошуай стоял с покрасневшими ушами и растерянным видом, он почувствовал тепло в груди. Ему нестерпимо хотелось поскорее закончить всё это и найти своего Сяошуая!

Смотреть и не иметь возможности дотронуться — это было слишком мучительно.

Го Чэньюй опустил взгляд на знамя в руках и прочел по слогам:

— Мастерство... возвращает... весну! — дочитав, он расплылся в довольной улыбке.

Затем он внезапно схватил Цзян Сяошуая за руку, висевшую вдоль тела, и вкрадчиво прошептал:

— Доктор Цзян, не могли бы вы применить свое мастерство?

Он дразняще сжал ладонь Цзян Сяошуая, прижал её к своей груди и, подняв взгляд, с вызывающим видом начал медленно вести его рукой вниз:

— Помогите мне... вернуть весну!

У Цзян Сяошуая расширились зрачки. Он думал, что Го Чэньюй просто бесстыдник, но не ожидал, что тот осмелится на такое прилюдно! Совсем страх потерял!

Словно услышав что-то непристойное, Цзян Сяошуай резко отдернул руку и вlepил Го Чэньюю пощечину.

Звучную! Четкую! Решительную!

Все в клинике остолбенели. Ли Ван был настолько поражен, что выронил морковь, которую жевал.

— Глоть... — все присутствующие подчиненные невольно сглотнули слюну.

— ???

— !!!

Этот врач и правда смельчак! Посмел поднять руку на Го-шао, а главное — Го-шао стерпел! Даже не разозлился!

— Черт возьми!

— А врач-то с характером!

Те, кто смотрел на экран, тоже вытаращили глаза, боясь пропустить хоть мгновение. Не зря пришли, легендарная сцена состоялась!

Теперь пришла очередь Чи Чэна расхохотаться:

— Ха-ха, Го Чэньюй, дождался и ты своего часа! Получил по заслугам за свой язык? Вкусная пощечина?

Глядя на раздувшегося от гнева Цзян Сяошуая на экране, Го Чэньюй улыбался невероятно нежно, напоминая распушившего хвост павлина.

— Это я поторопился. В конце концов, Сяошуай пока меня не любит. Ничего, он правильно сделал, что ударил!

Го Чэньюй потер щеку, проигнорировал насмешку Чи Чэна и миролюбиво добавил:

— Что, завидуешь? Ты ничего не понимаешь. Прежде чем прилетела пощечина, я почувствовал аромат его дезинфицирующего средства! У тебя и такого нет!

Чи Чэн: «...» (подробное выражение лица можно посмотреть в тот момент, когда У Совэй был связан, а Чи Чэн в тревоге ждал разгадки цифр, но был прерван Го Чэньюем, хваставшимся своей личной жизнью).

Сдаюсь. Они ещё даже не встретились, а он уже сам себя до такого довёл?

Больной на голову!

Окружающие, услышав это, тоже застыли: Го-шао... ты...

В этот момент из глубины комнаты вышел У Совэй. Он с шоком наблюдал за происходящим, а затем, словно что-то осознав, уголки его губ поползли вверх.

Цзян Сяошуай с каменным лицом посмотрел на Го Чэньюя, чья голова все еще была повернута от удара, и холодно произнес:

— Я лучше всего умею лечить бесстыдство.

Го Чэньюй был ошарашен. С самого детства, кроме Чи Чэна, никто не смел поднимать на него руку. Все, кто пытался, уже поплатились жизнью, но здесь, от Цзян Сяошуая, он получил пощечину, причем сам же её и напросился. Го Чэньюй растерянно повернул голову, глядя на холодное лицо Цзян Сяошуая. Он пребывал в смятении и не знал, что сказать.

— ...

— Теперь лучше? — спокойно спросил невозмутимый доктор.

Го Чэньюй помрачнел, пристально глядя на Цзян Сяошуая. Долгое время он молчал.

Наконец, он сунул знамя в руки Цзян Сяошуая, бросил на него глубокий взгляд и ответил:

— Лучше.

Цзян Сяошуай, выпятив подбородок, сверлил его ответным взглядом.

Го Чэньюй развернулся и ушел, его фигура выглядела слегка одинокой.

Цзян Сяошуай нахмурился, положил знамя на стол и проводил взглядом спину Го Чэньюя, не понимая, что происходит. Этот человек — просто...

Го Чэньюй, закинув ногу на ногу, смотрел на экран, где Цзян Сяошуай пытался сохранять спокойствие, и тихо усмехнулся.

Цзян Сяошуай... тебе от меня не убежать!

Чи Чэн не стал утешать раненую душу своего брата. Он лишь прищурился, не сводя глаз с вышедшего из комнаты У Совэя, жадно любуясь его белыми стройными ногами, выглядывающими из-под шорт. Зубы у него неприятно заныли.

Ван Шо со злорадством рассмеялся над Го Чэньюем:

— Отлично прилетело! — но, повернув голову и увидев выражение лица Чи Чэна, тут же осекся.

Он слишком хорошо знал Чи Чэна. В его глазах читалась лишь безграничная любовь к У Совэю. Ван Шо, словно занимаясь самоистязанием, в упор смотрел на Чи Чэна. В его глазах на

мгновение промелькнула боль, а следом — глубокое, горькое отчаяние.

<http://bllate.org/book/20930/2118882>